

Список литературы

1. Солодкова С.В. К вопросу о стиле русской метафизической поэзии второй половины XIX века: принцип иконичности в лирике А.К. Толстого // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. «Филологические науки». 2014. № 7 (92). С. 144–148.

2. Толстой А.К. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1963.

3. Феодор Студит, преподобный. Огласительные слова и завещание: репринт. изд. 1896. М., 1998.

* * *

1. Solodkova S.V. K voprosu o stile russkoj metafizicheskoj poezii vtoroj poloviny XIX veka: princip ikonichnosti v lirike A.K. Tolstogo // Izvestija Volgogr. gos. ped. un-ta. Ser. «Filologicheskie nauki». 2014. № 7 (92). S. 144–148.

2. Tolstoj A.K. Sbranie sochinenij: v 4 t. M., 1963.

3. Feodor Studit, prepodobnyj. Oglasitel'nye slova i zaveshhanie: reprint. izd., 1896. M., 1998.

Considering the motive “a good warrior” in the poetry by A.K. Tolstoy

For the first time there is revealed the through motive “a good warrior” that has religious and philosophical and aesthetic connotations in the creative work by A.K. Tolstoy. The main motive is determining for comprehension of the religious and philosophical world-view of the poet, his aesthetic conception, idea and artistic peculiarity of Tolstoy’s creative work.

Key words: *A.K. Tolstoy, motive “a good warrior”, religious and philosophical poetry.*

Л.Н. САВИНА
(Волгоград)

ТЕМА «ДЕТИ И ВОЙНА» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

С позиции психологического анализа рассматриваются способы реализации темы «Дети и война» в произведениях современных писателей-фантастов.

Ключевые слова: *конфликт, дети, война, фантастика, психологический анализ.*

Процесс становления внутреннего мира персонажей-детей в произведениях современной фантастики невозможно представить без преодоления ими межличностных конфлик-

тов, возникающих в ходе столкновения с «бесстрастной государственной машиной или аллегорическим образом захватчиков с другой планеты» [2, с. 6]. Данная конфронтация, имеющая сюжетообразующую функцию, приобретает характер вооруженного противостояния, причем дети никогда не являются источником агрессии: вступить в борьбу с внешним врагом они вынуждены в силу сложившихся обстоятельств. Как правило, подросткам приходится сражаться с взрослыми, ведь, по мнению одного из основоположников детской фантастики В.П. Крапивина, дети не воюют с детьми, т.к. «они еще не походили с ума!» [7, с. 111]. Однако в романах современного писателя С.В. Лукьяненко «Рыцари Сорока Островов» и «Мальчик и Тьма», явно ориентированных на диалог с крапивинской традицией, данная нравственная аксиома утрачивает свою универсальность: и в том, и в другом произведении детям противостоят их ровесники.

В «Рыцарях Сорока Островов» мы сталкиваемся с виртуальным экспериментом, проводимым на протяжении восьмидесяти лет пришельцами из космоса. Желая составить психологическую карту будущих правителей Земли, корабли вторжения с планеты Лотан переносят тысячи подростков в специально созданную реальность. Включая детей в игру, пришельцы вынуждают их убивать друг друга, но вскоре подростки начинают понимать, что подлинными врагами являются не ровесники, а сами инопланетяне, навязавшие им смертельно опасные условия существования. Описание танатической тревоги усиливает изображение сюжетообразующего конфликта, эскалации же противостояния инопланетных существ и детей служит нарушение главным героем табу – правила, запрещающего общение с противоположной стороной: несмотря на запрет, Димка ночью встречается на мосту со своей подругой Ингой, воюющей на стороне противника.

Писатели-фантасты едины во мнении, полагая, что «понимание человеком смысла жизни и смерти напрямую связано с его личностными ценностями» [1, с. 5], главной из которых, несомненно, является дружба. Преданность и верность дети противопоставляют предательству и измене, на этом и держится мальчишеское братство в произведениях В.П. Крапивина, С.В. Лукьяненко, Д.А. Емца и др. Высшим проявлением доверия, которое демонстрируют персонажи романа С.В. Лукьянен-

ко «Мальчик и Тьма», является сцена с ключом, который Лэн передает своему напарнику – Даньке. По сути, это не просто медная пластинка, управляющая полетом Крыла, этот ключ контролирует жизнь и смерть Лэна.

Дружба детей не понятна в мире взрослых, поскольку она исключает проявления меркантильной прагматичности и рассудочного расчета: «Ведь если люди дружат, они становятся сильнее, они могут спорить и бороться...» [5, с. 92]. Именно внутренняя свобода подростков вызывает страх и беспокойство государственных структур, поэтому в повести В.П. Крапивина «Дети синего фламинго» представители власти («те, что велят») во имя «равновесия порядка» требуют от маленьких героев идеального подчинения.

Если дети символизируют стихию жизни, то силы Зла олицетворяют мертвящее, смертоносное начало. Боевые действия с ними ведутся, как правило, в чужом пространстве, которое в фантастических произведениях предстает как враждебная «система, противопоставленная реальности, принятой <...> за мир, родственный герою» [9, с. 180]. Для изображения враждебного окружения фантасты широко используют «клише» фольклорных и мифологических источников. Так, создавая образ инобытия в романе «Мальчик и Тьма», С.В. Лукьяненко актуализирует дуализм небесного и подземного, Света и Мрака. Настоящему Свету он противопоставляет губительный Черный огонь, соотносимый с адским пеклом. Несущие страх и смерть защитники Тьмы, подобно обитателям ада, обладают едким запахом: «Черные полотнища тьмы, чернее темноты, непрогляднее мрака. Две пары огромных крыльев. В лицо ударил ветер, наполненный едким нечеловеческим запахом, и тьма взвилась в небо» [8, с. 213]. В повести Д.А. Емца «Планета Черного Императора» дьявольское начало присутствует в описании повелителя Вселенной, напоминающего одновременно и сказочного Кошеля Бессмертного, и «всевозможных тиранов и деспотов вроде Сталина, Тамерлана или римского императора Тиберия» [3, с. 175].

Противоборствуя силам Зла, дети в произведениях современных фантастов преодолевают ряд испытаний, кульминацией же конфликтного взаимодействия «можно считать прохождение персонажей ... через реальную или ирреальную смерть, представляющую собой разновидность их психологической инициации» [2, с. 6]. Страшные картины убийства ровесников являются сильнейшим конфликтогеном, побуждающим маленьких героев задуматься о бессмысленности пролития крови и

искать альтернативные пути снятия противоречий. Подобная ситуация складывается в рассказе С.В. Лукьяненко «Мой папа – антибиотик», персонаж которого впервые встречается с тайной смерти. Его отец, космодесантник, призванный подавлять восстания экстремистов, привозит сыну опасную игрушку – браслет, снятый с руки мятежника. Случай позволяет мальчику прийти к страшному открытию: понять, что именно отец повинен в убийстве его далекого друга. Ощущение близости собственной гибели, переживание невозвратимой потери товарища и познание истинной сущности отцовского служения государству становятся для подростка подлинным откровением, знаковой ступенью на пути его духовного и интеллектуального развития.

Психологический анализ конфликтных ситуаций не только помогает постичь сущность характеров и мотивы поведения маленьких героев, но и позволяет проследить за становлением их внутреннего мира. Преодолевая сопротивление враждебной стороны, дети, по мнению психолога и философа В.В. Зеньковского, приобретают собственный моральный опыт. Ведь изначально «для подростка нет никакой системы, никакого устойчивого “закона”, он следует порывам чувств и желаний, доверяет только собственному опыту, систематически и сознательно отвергает всякую попытку принудить его к чему-либо» [4, с. 165]. На своих ошибках дети учатся понимать ценность «устойчивых и глубоких стремлений сравнительно со случайными и поверхностными» [Там же].

Так, например, подростки, в силу отсутствия необходимого жизненного опыта, не всегда могут предвидеть последствия собственных поступков, поэтому силы Зла нередко используют присущие маленьким героям пытливость ума и доверчивость как «спусковой крючок», активизирующий губительные для человечества процессы разрушения и уничтожения всего живого. Именно так происходит в повестях Д.А. Емца «Планета Черного Императора» и «Месть мертвого Императора», когда дети посредством странного компьютера запускают механизм уничтожения планеты Земля. Ни Ирка и Костя, ни Сережа не догадываются, какую адскую машину они приводят в действие. Однако, осознав масштаб угрозы и поняв, что при помощи элементарного обмана их сделали игрушкой в руках темных сил, маленькие герои решают бросить вызов Черному Императору. Чувство вины побуждает их лично принять участие в противостоянии враж-

дебным силам. Для этого героям приходится перенестись в Замок Черного Императора и пройти целый ряд испытаний. Конечно, благодаря смекалке и взаимопомощи персонажи Д.А. Емца, в полном соответствии с канонами волшебной сказки, преодолевают все препятствия, причем важнейшую роль автор отводит случаю, помогающему разрешению конфликта и снятию возникших противоречий.

Особое место в фантастических произведениях занимают волшебные помощники, способствующие формированию внутреннего мира героев-подростков. Таков, например, в романе С.В. Лукьяненко «Мальчик и Тьма» Солнечный Котенок, помогающий Даньке преодолеть трудный путь поиска эго-идентичности. Котенок принимает самое активное участие в делах мальчика: именно он переносит его в мир Крылатых, избавляет от слепоты и наделяет способностью видеть людей и предметы в Настоящем свете. Однако в ситуациях, требующих от подростка нравственного выбора, Котенок предпочитает оставлять своего маленького друга наедине с проблемой. Избегая давать советы, он так объясняет свое решение: «Это не метод Света, Данька. Пусть я веду тебя и заставляю делать выбор, но сам выбор – за тобой» [8, с. 376].

Подобную ситуацию приходится пережить и Сереже, главному герою повести Д.А. Емца «Месть мертвого императора». Если в борьбе с затерянным легионом подростку помогают космический мутант капитан Гугль и его команда, то вопрос о том, должен ли ребенок-инвалид участвовать в схватке с силами Зла, решает все-таки сам Сережа. Мальчик понимает, что, несмотря на свои физические недостатки, он «должен защитить этот мир, который из-за его глупости был теперь в смертельной опасности. <...> Отказаться сейчас от борьбы – даже в самом безнадежном положении – значило проиграть. А ставка – существование Земли. Никогда еще планета так не зависела от мальчика одиннадцати лет в инвалидном кресле, но этот мальчик собирался сражаться за свою планету до конца» [3, с. 276, 303]. Ни капитан Гугль, ни его команда не вмешиваются в решение данной проблемы, оставляя Сережу наедине со своим выбором. Таким образом, роль волшебных помощников в произведениях современной фантастики усложняется. Они не только демонстрируют свои чудесные свойства в борьбе с миром Тьмы, но и, в первую очередь, помогают юным героям понять простую истину: прежде чем победить

внешнего врага, следует справиться с собственными страхами и слабостями.

Поскольку герой-ребенок вынужден самостоятельно совершать выбор, определяя линию своего поведения, по ходу развития сюжета межличностный конфликт перерастает в конфликт внутренний, суть которого заключается в поиске персонажем ответа на философские, экзистенциальные по сути вопросы о смысле человеческого бытия, о границах жизни и смерти, о подвиге и предательстве. Именно психологическое разрешение двух взаимодействующих линий конфликта изменяет «прежние и формирует новые отношения личности» [10, с.108], способствует прохождению детьми процесса социализации. В этом отношении любой конфликт несет в себе конструктивное начало. Так, например, Данька, герой романа С.В. Лукьяненко «Мальчик и Тьма», смог одержать победу над силами Зла, только уничтожив свою скрытую сущность – взрослое Я, отличающееся рационализмом и прагматичностью. Мальчик самостоятельно пришел к выводу: «Нельзя делать то, что противно, и оправдываться, что в душе взрослый» [8, с. 395]. Подобные метаморфозы мы наблюдаем и в сказочной повести Д.А. Емца «Планета Черного Императора»: путем преодоления гордыни красавица Ирка Матвеева начинает понимать, какую ценность имеет настоящая дружба, а хвостун Федька Волков избавляется от притязаний стать хозяином Земли.

Однако, как бы ни складывались обстоятельства, герой-ребенок, несмотря на грозящую ему опасность, никогда не изменяет принципам Добра. Так, несмотря на страстное желание покончить с диктатором и спасти от уничтожения всю Вселенную, главный герой повести «Планета Черного Императора» не выстрелил в повелителя: мальчик, смело уничтожающий роботов, не смог нажать курок пистолета и выпустить пулю в живого человека. Подростку физически и психологически сложно преодолеть порог смерти.

В повести С.В. Лукьяненко «Мальчик и Тьма» с подобной ситуацией столкнулся и Данька, который также не смог убить противника в воздушном бою. Пока подросток полагал, что его враги – Летящие – «похожи на птицу, на ящера или все же на человека, но с уродливым, злым лицом» [Там же, с. 248], он испытывал уверенность, что сделает все «как надо»: подлетит к существу из мрака и убьет его. Но как только Данька увидел человеческое лицо своего ровесника, услышал просьбу «не убивай, отпусти», его решимость сра-

жаться исчезла и он отпустил противника. По мнению автора, победа детей над слепыми инстинктами насилия и саморазрушения не менее важна, чем уничтожение сил Зла. При помощи пространственной оппозиции Света и Тьмы писатель подчеркивает значимость этой нравственной победы: так трудно поймать тот самый миг в душе человека, когда «отступает ночь, темное небо становится сиреневым, прозрачным, чуть розовым на востоке» [8, с. 7], ведь рассвет приходит, «когда уже не остается сил выдерживать ночь. Это еще не утро, это просто конец темноты» [Там же].

Не принимает насилия и герой крапивинской повести «Дырчатая Луна» Лесь Носов, полагающий, что «земной житель сам по себе не может докатиться до такого ...ну, чтобы убивать без разбора, жечь, зверствовать. Это не человеческая природа... Какой-то чужой разум, из другой галактики, влияет на человеческие мозги. Чтобы люди перебили друг друга. А потом пришельцы захватят планету» [6, с. 57]. Будучи не в состоянии оправдать жестокость человека по отношению к себе подобным, мальчик уходит в фантастический мир Безлюдных Пространств, предпочитая мотив избегания, чтобы вытеснить из сознания тягостные переживания.

О бесцельности разрушения и несовершенстве человеческой природы рассуждает и Супермозг в повести Д.А. Емца «Планета Черного Императора»: «Мы, так называемые разумные существа, как раз разумом-то и не наделены. ...Научившись разрушать, мы так и не выучились созидать. Мы умеем разваливать на куски звезды, ...но не в состоянии сконструировать самую простую бабочку, чтобы она была живой. Тот, кто сотворил вселенную, был намного мудрее и добрее нас. Он строил, а мы разрушаем. ...Нам не хватает для созидания не только ума – это бы еще полбеды, нам не хватает на это доброты...» [3, с. 85]. Символический образ возникает не случайно, он напоминает и о знаменитом «эффекте бабочки» Рэя Брэдбери, и о бабочке, сопровождающей ангела Вовку, героя романа В.П. Крапивина «Прохождение Венеры по диску Солнца».

Помня о хрупкой природе Вселенной, подрастает, в отличие от взрослых, проявляют истинную мудрость, подчиняясь не столько голосу разума, сколько движениям сердца. Находя неординарные решения, возвращая различным мирам Добро и Свет, они тем самым оказывают противодействие разрушительной стихии войны. По мнению писателей-фантастов, именно дети, наделенные способностью созидать,

и являются той силой, которая восстанавливает недостающие конструкции Божественного плана Вселенной.

Список литературы

1. Абдулгалимова С.А. Психологические особенности преодоления страха смерти у старшеклассников с разными смысложизненными стратегиями: дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д., 2010.
2. Аникина Ю.А. Специфика конфликта в художественном мире В.П. Крапивина: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014.
3. Емец Д.А. Планета Чёрного Императора. Месть мёртвого Императора. Повелители галактик. М.: Эксмо, 2013.
4. Зеньковский В.В. Психология детства. М.: Академия, 1996.
5. Крапивин В.П. Серебристое дерево с поющим котом. М.: Центрполиграф, 2002.
6. Крапивин В.П. Дырчатая Луна. М.: Эксмо, 2006.
7. Крапивин В.П. Оранжевый портрет с крапинками. М.: Эксмо, 2008.
8. Лукьяненко С.В. Рыцари Сорока Островов. Мальчик и Тьма: фантаст. романы. М.: АСТ: Астрель, 2011.
9. Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М.: Наука, 1976.
10. Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: Питер, 2011.

* * *

1. Abdulgaliyeva S.A. Psixologicheskie osobennosti preodoleniya straha smerti u starsheklassnikov s raznymi smyslozhiznennymi strategiyami: dis. ... kand. psihol. nauk. Rostov n/D., 2010.
2. Anikina Ju.A. Specifika konflikta v hudozhestvennom mire V.P. Krapivina: dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2014.
3. Emec D.A. Planeta Chjornogo Imperatora. Mest' mjortvogo Imperatora. Poveliteli galaktik. M.: Jeksmo, 2013.
4. Zen'kovskij V.V. Psihologija detstva. M.: Akademija, 1996.
5. Krapivin V.P. Serebristoe derevo s pojushhim kotom. M.: Centrpoligraf, 2002.
6. Krapivin V.P. Dyrchataja Luna. M.: Jeksmo, 2006.
7. Krapivin V.P. Oranzhevyj portret s krapinkami. M.: Jeksmo, 2008.
8. Luk'janenko S.V. Rycari Soroka Ostrovov. Mal'chik i T'ma: fantast. romany. M.: AST: Astrel', 2011.
9. Mihajlov A.D. Francuzskij rycarskij roman i voprosy tipologii zhanra v srednevekovoj literature. M.: Nauka, 1976.
10. Osorina M.V. Sekretnyj mir detej v prostranstve mira vzroslyh. SPb.: Piter, 2011.

Theme “children and war” in the works of the modern fantasy

From the position of the psychological analysis there are considered the ways of implementation of the theme “children and war” in the works by the modern fantast writers.

Key words: *conflict, children, war, fantasy, psychological analysis.*

С.В. ПЕРЕВАЛОВА
(Волгоград)

«ДА, МЫ ЖИВЕМ, НЕ ЗАБЫВАЯ ...»: ТЕМА СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ В ПРОЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ-ФРОНТОВИКОВ 1980–2000-х ГОДОВ

Статья посвящена отражению Сталинградской битвы в прозе писателей-фронтовиков 1980–2000-х годов. Основное внимание уделяется анализу автобиографического романа «Мой Сталинград» М. Алексева и повести В. Некрасова «В окопах Сталинграда».

Ключевые слова: *современная русская литература, «лейтенантская проза», Великая Отечественная война, Сталинградская битва, писатели-фронтовики.*

Оказывается, война не завершается победой...

Б. Слуцкий

Время, прошедшее со дня окончания Великой Отечественной войны, затянуло многие раны, однако оно не имеет власти над величием былого. Сколько бы лет не прошло, а «Сталинград – это недавно» (К. Симонов). Память о «днях и ночах» обороны города так или иначе, но ощутима в произведениях писателей-фронтовиков на протяжении всего двадцатого столетия, независимо от того, были ли они сами участниками незабываемого сражения. В своем рассказе-прощании «Пролетный гусь» (2001) В.П. Астафьев, воевавший на Брянском, Воронежском и Степном фронтах, с уважением вспоминает наших солдат, «прижатых к кромке берега Волги, заслонивших собой

«клочок избитой, кровью пропитанной земли» [3, с. 20], подчеркивая особую значимость Сталинграда для самой жизни.

В.П. Некрасов, автор бессмертной повести «В окопах Сталинграда» (1945), созданной на основе личного фронтового опыта, делает главного героя рассказа «Девятое Мая», русского художника Вадима Николаевича Карташова, именно «сталинградцем». Каждый год (в рассказе – уже тридцать восьмой День Победы) Карташов вспоминает «баки на вершущке Мамаева кургана», «железную дорогу», «завод “Метиз”» и «мясокомбинат, в подвале которого находился КП 1-ого батальона...» [8, с. 535]. А «31-е января, яркий, солнечный день, когда немцы драпанули с Мамаева, помнится, как будто вчера произошло. И второе февраля, сталинградский день Победы, все небо в ракетах, трассирующих очередях...» [Там же, с. 542].

Отчетливо видится пережитое в дни боев на Волге и главному герою автобиографического романа М. Алексева «Мой Сталинград» (1993–1997). М. Алексева, после окончания педагогического техникума призванный в армию, прошел пять фронтов и путь от рядового солдата до подполковника. Предваряя произведение, автор, встретивший Сталинградскую битву младшим политруком минометной роты, так объясняет название: «Каждый из нас, кто был там, мог бы сказать: Сталинград – это моя судьба. И из слагаемого миллионов судеб зримо предстанет судьба победителей и побежденных, судьба живых и мертвых, больше мертвых, чем живых» [1, с. 7]. Автобиографическое начало, сводящее в романе художественный вымысел к минимуму, объясняется именно принадлежностью писателя к поколению фронтовиков, которое «само все видело, чувствовало, знало, ненавидело и боролось» (Ю. Бондарев). У М. Алексева среди увиденного в те суровые годы и не «съеденного ржавчиной времени» (Д. Гранин) – подлинные номера подразделений и полков, «реальные персонажи со своими фамилиями, характерами, судьбами» [4, с. 47], невымышленные топографические обозначения. Объяснение этому – в признании писателя: «По наивности в годы войны я как-то не очень ответственно отнесся к тому, что на передовой нельзя вести никаких дневников, командиру особенно. Это категорически запрещалось, потому что они могли попасть в руки врага. И вот моя тетрадь сохранилась. У меня даже вышла небольшая